

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 29

1984

Людмила ШИКИНА

ИСТОКИ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 29

Людмила ШИКИНА

ИСТОКИ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Людмила ШИКИНА

Людмила Васильевна Шикина родилась в селе Ермолаевка, в Башкирии, где прошло ее детство. Работала учительницей в сельской школе, затем воспитательницей в детском саду. В 1952—1958 гг. прошла курс обучения в Московском государственном заочном педагогическом институте.

В 1964 г. заочно окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Первые стихи в 1958 г. опубликованы в «Литературной газете» и в журнале «Новый мир».

Людмила Шикина — автор нескольких поэтических сборников, среди которых: «Ровесница» (издательство «Советский писатель», 1966 г.), «Испытание» (издательство «Советская Россия», 1970 г.), «Степные ковыли» (издательство «Советский писатель», 1973 г.), «Всему начало человек» (издательство «Молодая гвардия», 1977 г.), «Час солнца» (издательство «Советский писатель», 1982 г.).

ЛЮДИ — МОИ ДЕТИ

Реки — мои вены,
Корни — мои нервы,
Крылья мои — ветер.
Люди — мои дети.
Я земля — я мать,
Я дала вам память,
я дала вам разум,
Чтобы помнить горе,
чтобы помнить радость.
Я впрягаю солнце
в колесницу лета.
Над лугами небо —
радугую ленты.
Дети мои, дети,
к вашей колыбели
Я зову березы,
я зову метели.
На моих ладонях
раны и ожоги
Забинтуют зимы,
и опять дороги
Поведут вас к пашням,
поведут вас к нивам...
Загрохочут грозы,
отзовутся ливни.
Мои дети — люди!
Что же с вами будет,
Если поиссякнут
мои реки — вены,
Если поиссохнут
мои корни — нервы?

* * *

Говорят, что в пору полнолуния
Умирает дерево без боли.
Говорят, что в пору полнолуния
Замирают и луга и поле.

И не больно травам онемелым
На косу на острую ложиться.
Все под светом затихает белым,
Расстается с небом легче птица.

Что же мне в такую благодать лета
Душу обезболить не дается?
Усыпило половодье света
Лебеду у старого колодца.

Что же я, причастная к рожденью
Светом обезволенного клена,
Не могу забыться на мгновенье,
Надломиться веткою зеленой?

ЛИКУЮЩИЙ ЧАС

Всё ли на том берегу
Белой-реки в парусах
Белых черемух
Спешат
Ливни косые в лесах?..

Бьются в просветы,
В сосну,
Словно
Незрячему
Свет
В эту
Обещан весну
Во искупление лет —
Черных
И пашен,
И снов,
Черных дорог и реки.
Словно погибших сынов
Встретить должны старики —

Так торопились ручьи,
Так торопилась река!
В небе свободно — ничьи
В дали неслись облака.
Всё они знали про нас
И на наречье своем
В этот ликующий час
Нам говорили о том:
Тайну откройте цветка —
Он не глупее планет.
Поторопитесь,
Пока
В реки
Вливается
Свет.

ВЕСНА

Но почему всегда во мне,
Когда взгляну на цветъ,
Как в растревоженном огне,
Бесстрашье умереть
Восходит ясно, как волна,
И эта радость — жить?!
Неторопливая весна
Протягивает нить,
Такую тонкую,
Как звон
Надломленных лучей,
Такую светлую,
Как сон
О родине моей.

* * *

Перемешались огни
Земли,
Светил,
Домов и домен.
Там где-то дом мой светлый жил.
По крыше — из ржанных соломин,
Из опустевших колосков —
Дождинки падали, как зерна,
В следы серебряных подков
Моих коней,
Летевших в зори.

Кому мои игрушки —
Звезды
И тройка огненных коней,
Кому теперь
Все это роздано?
Кто в колыбели спит моей?

Кому завещаны снега,
И ковыли,
И в небе птицы,
И Белой — в белом берега?
Кому мой сон счастливый снится?

О дом родной —
Без края даль.
Пусть нет трубы.
Несущей в небо
Тугую сизую спираль.
Пусть мой очаг —
Земля и небо,
Но только б мне дойти
Туда,
Где я слышала впервые,
Как говорит огонь, вода
И как прощаются живые
С землей родимой навсегда.

ИСТОКИ

Не моря истоки —
Истоки ручья,
Под выбитым взгорьем
Долина моя.
Две струйки,
Две жилки
На лоне земли,
Где жили,
Где были
Как сон журавли.
По самую осень,
По тишь на полях
По десять,
По восемь
Вели журавлят

Матерые крылья
Отца-вожака.
И легкой, как ветер,
Казалась рука,
И ноги, казалось,
Не шли по стерне,
А плыли на быстрой
Невидной волне.

Как давнее слово,
Остужен и чист,
В ручей опадает
Березовый лист.
«Прощайте,
Прощайте...» —
В глазах и в душе,
И руки не тянутся к небу...

Ужель
Душе — отзвенело,
Глазам — отцвело?!.
И даже не боязно,
Даже светло
Идти по простору,
К закату зари,
На стяге которой
Летят журавли.

НОЧЬ РАССВЕТНАЯ

1

Я пришел к тебе из прошлого
Через рощу, через рожь.
Что же ты, моя хорошая,
В разум слово не берешь?
Что же ты, остолбенелая,
У стены, как ночь, стоишь,
Ночь рассветная, несмелая.
Что ж ты мужу не велишь
Из бадьи водой похолиться?
Полотенце поднеси.
Что ты смотришь за околицу?
Звезды в небе погаси.

Погаси над речкой зарево,
Про бои меня спроси.
До того, как пасть мне замертво,
На побывку отпроси.
Отпроси меня, хорошая,
Хоть на чуточку, а там...
Пусть я буду только прошлое —
Память сердцу и глазам,
Память озеру и радуге,
Память пашне и цветку.
Поделись со мною радостью,
Что встречала на веку.

Мне уйти с рассветом велено
В ту страну, где я теперь
Сердцем слушаю простреленным
Тополиную метель.

Мне уйти с рассветом велено
На рубеж, где я стою,
Сердцем слушаю простреленным
Песню тихую твою.

2

Не кори меня — не светлую.
Я и ночь — теперь одно.
Не ищи за темной веткою
Мое темное окно.

Это я — седая женщина...
Я не мать тебе — жена.
Это мне тобой завещана
Песня давняя одна.
Это мой платок в горошинах
Этой ночью над тобой.
Это я — твоя хорошая.
Только ты теперь — не мой.
Ты стоишь в шинели бронзовой
Все такой же молодой.
До тебя тропинки — розами.
К голове моей седой
Сапоги твои тяжелые
Прислонились, как года.
Моя песня невеселая,
Моя горькая беда —

Все во мне умолкло,
Замерло,
Это я к тебе пришла
Через рощу полем — за море,
Из родимого села.

* * *

Когда пути земли родной
Тебе останутся в наследство,
Все чаще на тропинке той,
Где прорастают травы детства,
Тот день,
Единственный в году
И разъединный — в числах жизни,
Когда земля и гром в ладу,
Тот день —
Когда тебя Отчизне
Покажет на рассвете мать,
Все чаще будет проступать
Ее глазами,
Сердцем,
Словом.
Ты будешь все не узнавать.
И свету дня дивиться снова.
Ты будешь все не узнавать,
Другими станут степь и реки...
И только мать,
И только мать
Во всем останется навеки.

ТЕНЬ КРЫЛА

Я пью из речки тень крыла
Летающей птицы или ветра,
А может, тень былого века
Так спрессовали времена...

И год как день, и миг как век,
Дымятся травы теплым светом,
А от земли к другим планетам
В рассвет уходит человек.

Он там с собой наедине,
Наедине со всей вселенной.
«Спидола» пуговкой-антенной
Его орбиту ищет мне.

Он видит тучный в поле сноп,
Иных держав леса и взгорья,
Земли и праздники, и горе,
И свежеврытый окоп...

А на волне лежит крыло,
И туча в небе плащ-палаткой,
И овдовевшая солдатка
Бросает на воду весло.

И уплывает далеко
От камышиного навета,
В такое солнечное лето,
Где плакать вольно и легко.

* * *

Люди,
Помните ту зиму —
Ленинградскую блокаду?
Люди,
Помните ту зиму —
Черный снег под Сталинградом?
До чего же мы везучи, —
Говорят, что до предела.
Хиросима — не Везувий
(Человек ее возделал).
Постепенно угасали
Голоса ее и руки.
Не пройдут по Нагасаки
Ее жертвенные внуки,
На плакатах не напишут
Слово «Мир» и белой птицы.
Человек — земли всевышний, —
Ограничь свои границы.
Выжигает травы стронций,
Полигоны,
Полигоны...
В мутных тучах меркнет солнце.

...Опадает лес зеленый.
Люди,
Помните Освенцим?!
С фотографий смотрят дети
Нам в глаза — славянам, немцам...
Это меньше чем в столетье —
День играл на трубах медных,
Шли усталые солдаты.
День Победы,
День Победы.
...Это было не когда-то —
Снег пропитан кровью, гарью...

Люди,
Памятью живите.
Был Гастрелло,
Был Гагарин
В той же огненной орбите.

* * *

Память —
Это плач
И это песня,
Потому на краешке зари
Человек
О том, что перевесит,
С совестью своею говорит.

СВЕТ

Кормила женщина дитя
В незыбком океане света,
На грудь ее, не шелестя,
Тень листьев опадала с веток.
Косой увенчано чело,
В глазах лучится свет зеленый.
В рассвете
Таяло село.
Покою светлым окрыленный,
Голубоватый день летел

И свет
Струился под ногами.
Никто не плакал и не пел.
...Один лишь свет
Меж берегами —
И ни дорог, и ни реки...
С ребенком слившись воедино,
Изгиб и шеи, и руки
Незримым взлетом лебединым
Всходил над полем
Светлокрыло...

* * *

Не потому ль душе людской,
Как человекоиспытанье,
Дана безбрежность мирозданья
И искра святости земной,
Чтоб ощутиее подчас
В ней отзывалось эхо крика,
В душе обманчиво-великой,
Всей жизнью предрешенной в нас.

И как теперь,
И как потом,
Не повторятся высь и бездна.
Жизнь не дается безвозмездно,
Жизнь не размечена перстом.

Четыре стороны земли,
А человек
На перекрестке.
Поля,
Пустыни и березки,
И птицы алые вдали.

Четыре берега несут
Прохладу,
Холода и жажду,
А человеку навсегда,
На боль,
На радости —
Однажды,
На милость щедрую,

На суд
Одна душа дана навеки.

Четыре стороны земли,
Четыре берега вдали.
И вся надежда
В Человеке.

* * *

О женщина из плоти и огня,
Причастна ты и к радуге, и к снегу,
И к первому зеленому побегу,
И к жизни наступающего дня.

Глаза твои сквозь тысячи веков
Устремлены,
И руки — словно ветви.
Разносит эхо по вселенной ветер —
Твой голос с затонувших берегов.

Призыв твой не угас и не затих —
Страдавшая за мужа и за брата.
О женщина, не знавшая когда-то,
Что мир стоит на горестях твоих.

В руке твоей не зыбкие веса —
Дитя — и беззащитность, и защита.
Была ты и воспета, и убита,
Но пробивались яркие цветы
В расщелинах холодного гранита.
И девочка, рожденная тобой,
Брала в ладони сердцевидный пламень.
Ее дарили и цветок, и камень
Твоею материнскою судьбой.

* * *

О, как не звонок лес!
Я здесь как не своя.
Над клейкостью листвы.
Шмели жужжат и осы.

Лес поредел,
Теперь он не похож
На только что остывшую
Подкову

Из-под копыта белого коня,
Умчавшегося в зори навсегда.
Какое очертание потом
Он примет,
Уходя и возвращаясь
На этот обожженный косогор
Грозой, ветрами,
Памятью моей?
Лес поредел.
С горы я вижу свет,
Он выпрямил
И разделил подкову
На четкое и гулкое созвучье
Тобой еще не сказанного слова,
Которое мне слышится:
«Про-щай...»

* * *

Уж я тебе, болезному,
Две ягодки сорву.
Возьми, заешь отравушку,
Любовь — полынь-траву.

Две ягодки — не ягодки,
Кровинки под кустом.
Ты ешь,
А будешь спрашивать
О них меня потом.

Скажу тебе, поведаю:
От всех скорбей и бед,
От немочи, от горечи
Надежней средства нет.

Уж я тебе, хорошему,
Раскрою свой секрет:
Других таких двух ягодок
На свете больше нет.

Их поделить не велено —
Утратит силу кровь.
Им, алым, предназначено
Унять одну любовь.

Хочу тебя помиловать,
Хочу тебя простить.
Хочу тебя, любимого,
На волю отпустить.

А обо мне не спрашивай,
Теперь уж не секрет.
Других таких двух ягодок
На свете больше нет.

* * *

Когда стихает звон полей
И отголосок косовицы
В края морей уносят птицы
С просторов родины моей,
Когда проступит на стерне
Земля, питавшая колосья,
Когда к стогам подходят лоси
И иней хрупкий в тишине
Хлеба созревшие напечет, —
Такая радость душу полнит!
В тревоге о грядущем дне
Земля моя добра, как мать.
В миг беззащитного до боли
И неба светлого, и поля
Мне хочется ее обнять.

* * *

Г. А.

Что ж ты, Галя,
Шаль посадскую
Опустила на глаза,
Где шинель твоя солдатская —
Злому ворогу гроза?

Где пилотка —
Ломтик месяца
В окровавленном дыму?..
То ли тополь
В окнах мечется,
То ли память — не пойму.

За окошком ночь осенняя.
Ты глядишь в квадраты рам,
Небо звездами усеяно.
Подсчитать бы,
Сколько ран —
Сколько ран
Тобой врачевано,
Милосердная сестра,
Сколько раз в снегу ночевано...
Так и будешь до утра
Все глядеть куда-то в прошлое,
На сиреневую ночь?..
Все, что жизнью было спрошено,
Что по силам и невмочь,
Отдала ты
С верой чистою
И печалиться постой.

Веря в Жизнь,
Солдат от выстрела
Заслонил тебя собой.

ПОЛЕ СЛАВЫ

На Бородинском поле
Тишь,
Трава зеленая, как озимь,
А между тем
Крадется осень,
Желтеет в отменях камыш
Речушки дальнего подлесья,
Куда нацелены стволы,
Где облака как снег белы,
Где затаилась в даях песня.

Взлетела птица из гнезда,
В жерле затеянного летом,
Насторожились тишь, и ветка,
И в лужах блестящая вода.
Вдыхали пушки тишину,
Стволы уставив в день погожий,
И птенчик плачем осторожным
Ловил возникшую волну —

От материнского крыла,
От потревоженного света.
Сходились в поле
Осень с летом,
Где битва некогда была.

* * *

И певчие птицы, и дети
У старого сада в долгу,
Он, может быть, нынче
столестье
Справляет на том берегу —
На том опустелом
и светлом.
Остывший от пира родин,
Дождями омытый и ветром,
Он празднует мудрость
один.
И черная вязь поредела —
Пробитая светом долин.
Но жажда не знает предела.
С собою один на один,
Он соки последние поднял
К живущему чудом плоду,
И страх
и надежда,
и подвиг,
В нем вызрев,
на землю падут.
И сад содрогнется,
роняя
И меда,
и горечи плод.
И выкуп свой
тяга земная
За все чудодейства
возьмет.
А сад, как туманы, растает.
Последнего яблока
след
Откроет нам вечную тайну
Прошедших и будущих лет.

* * *

Листва молодая подлесья,
Податливость гибких ветвей,
Еще непонятная песня,—
И сколько наивности в ней!

Вослед за кочующим ветром
Упругой листвы якоря,
Сорваться готовые с веток,
Легко и беспечно парят.

А выше — могучие кроны.
Уйдя с головой в небеса,
В подлесье прозрачно-зеленом
Стоят вековые леса.

Стоят, не сгибаясь,
Как свечи,
Восход на вершинах неся,
Деревья,
А может быть, вечность,
Которой прерваться нельзя.

* * *

Алеет соцветье заката.
На синюю кромку реки,
Бегущей раздольно куда-то,
Примолкнув, глядят старики.

С завалинки старого дома,
Под росчерки ласточьих грез,
Глядят они в мир незнакомый
Посаженных ими берез,
Полей, перепаханных ими,
Дорог до чужих берегов,
Прошедшие в жизни
С боями
Во имя
Грядущих веков.

И все
Как впервые на свете:
И хлеб,

Озаряющий даль,
С пригорка бегущие дети,
И боль, и восторг,
И печаль.

О чем,
Замолчав,
На исходе
Скупого на радости дня
Они разговор не заводят,
Себя беспощадно виня
За всю человечью беспечность,
За зримую им суету...

Предстала им в зареве вечность
По сторону жизни —
По ту,
Где все обозримо до звуков,—
Всей жизни
Подсудная суть.
Достойный и гордости внуков,
И горечи внуков
Их путь.

* * *

Живу,
И если только
Я миг в рассвете дня,
Цветок на стебле тонком
Задуман для меня.

Живу,
Не занимая
Ни радости,
Ни бед.
Все жду на крыльях мая
Березовый рассвет.

Живу,
Считаю годы
И праздники побед.

По веснам помнить горше —
И ждать,
Кого уж нет.

* * *

Есть миг —
Как всполох.
Междучасье —
Еще не ночь,
Уже не день,
Как вечность
Вспыхнувшего счастья,
Как солнцем
Брошенная тень
На голубое
Отдаленье
Нелегкого
Под небом
Дня.
Есть всемогущие мгновенья
Земли,
Врачующей меня.

* * *

Все дальше лето памятного года.
И тот сапер,
Сказавший мне однажды,
Что в жизни ошибаются не дважды,
Был прав, конечно,
Молодость — не мода.
Она вернуться и прийти не может.
...Пустые рукава его, как ветви,
Трепал прохладный августовский ветер.
Его была немногим я моложе,
Но мне казалось,
Много тысяч лет
Нас разделяли —
Не гранитный камень,
Не пьедестал, стоявший между нами.
На нас смотревший, праведный поэт
И облака, плывущие к вокзалу,—
Все замерло в каком-то ожиданье.
О горькое и светлое свиданье!
Я ничего солдату не сказала.
Но что же было?
Что же между нами?
Расставшись с ним, я не летела птицей,
Я все ждала,

Что встреча повторится.
Я приходила к Пушкину с цветами.
Я слышала, как сердце оживало
В его остывшей бронзовой груди.

Сменялись вьюгой солнце и дожди.
И я лицо солдата забывала.

* * *

Опять заря роняет свет
В озера тихие за лесом.
И в отдаленье зим и лет,
Как за туманною завесой,

За набежавшею слезой,
Уже не чуждой сердцу, взору,
Играет месяц молодой...

И леса тайные узоры
Спокойно держат небосклон,
Рисуя черным — в синем скате —
То онемевший в даях звон,
То женщину в лиловом платье,
Она проходит над чертой,
Соединившей землю с небом,
Над алой, в сумерках, водой,
Над голубым, в закате, хлебом.

Опять заря роняет свет
И горизонт к земле припаян.
Благословляю мудрость лет
И сердца пламенную память.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Пролетали
 гуси-лебеди,
А один летел
 пониже,
Пролетали
 гуси-лебеди,
Как он плакал —
 было слышно.

Пролетали
 гуси-лебеди,
Обронили
 белы перышки.
Пролетали
 гуси-лебеди,
А последний
 без лебедушки.
Пролетали
 гуси-лебеди,
Проплывали
 тучкой рваною,
Пролетали
 гуси-лебеди,
А последний —
 в сердце раненный.
Ой вы, гуси,
 гуси-лебеди,
Кабы знать ему,
 залетному,
Ой вы, гуси,
 гуси-лебеди,
Что лебедушка
 поет ему.
Ой вы, гуси,
 гуси-лебеди,
Кабы знать, что разъединяя,
Ой вы, гуси,
 гуси-лебеди,
В жизни песня лебединая.

ДА СВЯТИТСЯ ЗАРЯ

Мне все кажется, где-то
За воротами дня,
В чуть остывшее лето
Поведешь ты меня,
Вспоминать, что не наше,
А твое и мое,
Вспоминать о вчерашнем.
Будет рвать о жнивье
Осень сизую пряжу,
Как дорогу назад.
И однажды,

Однажды
Опустеет наш сад.
Птицы вылетят к югу,
Затоскуют дожди.
Мы устанем друг другу
Говорить: подожди...
И однажды,
Однажды,
Всепрошение даря,
Разводящей нам будет
Молодая заря.

Не наклеванной спели
С обожженных ветвей —
Я навстречу метели,
Словно горсточку дней,
Золотую рябину —
Цвет зари и огня —
Понесу, как в чужбину,
До последнего дня.

И снега не остудят
Алой горечи свет.
Это было и будет
Через тысячи лет,
Через зимы, бураны...
Да святится заря!
Как нетленные раны,
Грозди ягод горят.

Ты постой,
Погоди-ка,
На прощанье — прости.
Ни одной ягодинки,
Почерневшей в горсти.
Где ж мое ожерелье —
Черных бусин навет?
Не о том я жалею,
Не о том, чего нет.

...Я о том, что не пламя
На ладони моей.
В белой вьюге над нами
Только горсточка дней.

БАЛЛАДА О ДОМЕ

А дом стоял на берегу
Не речки — луга заливного.
Дубы могучею основой
Его держали
И земля.

Земля,
Пробитая ростками
Травы, цветов, струной дождя
И легкокрылостью снежинки.
Озвученная пеньем птиц,
Грозами, жившими над ней
И умиравшими в ней часто,
Литыми пулями
И стрелами,
Направленными в тех,
Кто шел
Поля возделывать
И строить
Прообраз будущего дома.

О, сколько было этих пуль
И стрел...
Верни земля им силу,
Они б ее заполонили,

А дом
Стоял
На той земле,
В которой
Прах отцов и дедов.

Мир праху,
Дому мир и небу!
Земле,
Основе тех дубов,
Что были выбраны за крепость.

А дом
Стоял на берегу
Не речки — луга заливного.
И адрес дома был —
Земля.

Как горько расставаться
С домом,
С селом, и с улицей,
И с полем —
Мы знаем.
Слышали из уст,
Читали в письменах
И письмах...
Но как расстаться
С домом
Тем,
Кому он был
Землей и небом.

Гадали, думали в семье,
Как проводить
Солдата в битву,
В края далекие страны,
Ему незнакомые отроду.
Жена сказала:
«Ты возьми
С собой
Зеленый подорожник.
Он пригодится на войне
И к ране приложить,
И к сердцу —
Когда по дому затоскуешь».

Дочь попросила
Взять перо,
Потерянное белой птицей
В то лето на лугу зеленом.
«Оно как снег,
Как чистый цвет
Черемухи за нашим домом.
Когда тебе невмоготу
Идти в дыму,
В пожарах будет,
Ты вспомни,

Что лежит перо
В кармане левом гимнастерки.
Ты только вспомни,
Не забудь!»

Сын попросил:
«Возьми меня,
Я пригожусь тебе на случай,
Когда ты вспомнить не успеешь
О подорожнике зеленом,
О перышке в кармане левом».

Мать подошла к солдату близко
И, посмотрев в его глаза,
Сказала неторопко, тихо,
Но так, что слышала жена
И дети слышали,
Сказала:
«Твой дом
Тебе во всем опора.
Иди, мой сын, и защищай
Детей своих купель и зыбку».

О, как хотелось написать
Родным солдату о земле,
Которую любил он свято.
О, как хотелось рассказать
Солдату хоть однажды в жизни
О том,
Как он любил тебя,
Земля, пробитая ростками
Травы, цветов, струной дождя
И легкокрылостью снежинки,
Но все не находил слова...

Полмира в зареве войны,
Вскипают реки,
И дороги
В слепых воронках ищут след
Солдат,
Ушедших навсегда.

...В тот дом,
По адресу —
Земля,
Пришла бумага,
Где меж слов
«Пал смертью храбрых...»
Слово
«Жил»

Не то чтобы читалось четко,
А проступало,
Как слеза
В глазах печальных материнских.

...Жил, был...
И дети будут жить,
И дом его —
Земли опора.

ГОЛОС ЛЕТА

Накукуй, кукушка,
Сто
Стозвонных дней.
Накукуй, кукушка.
В памяти моей:
Золотое лето,
Золотистый зной,
Соловей на ветке —
Тоже золотой,
Только чуть разбавлена
Песня серебром...

Золотые ставни,
Золотистый дом.
Золотые нивы,
Золотые сны...

Быть бы нам счастливыми —
Не случись войны.

Накукуй, кукушка,
Сто
Стозвонных дней:
Обгорело лето
В памяти моей.
Поседали травы,
Запылил большак...
«Левой» или «правой» —
Не поймет никак
Мой отец Василий,
Все назад глядит —
Поле не скосили,
Хлеб стеной стоит.

Накукуй, кукушка,
Золотой конец —
Чтобы голос лета
Услыхал отец.
Чтобы колос вздрогнул,
Да к земле приник.

Расскажи, кукушка,
Всем живым про них,
Про ушедших в дали,
Где зáрился бой,
Да про то,
Как ждали
Их с войны домой.

* * *

Доктор, что же вы сделали,
Что убили во мне?
Только лебеди белые
Наяву и во сне.

Белых крыл колыхание
Надо мной в тишине.
И в бреду и в сознании
Птицы видятся мне.
И ни друга, ни недруга,
Ни сестру, и ни мать
Я, лишенная недуга,
Не боюсь не узнать.

Ни домов и ни дыма,
Ни людей, ни зверья...
Птицы белые мимо —
Ни в какие края —
Пролетают по кругу,
Горизонт холода.
На небесную вьюгу
Безмятежно глядят
Позабывшие краски,
Без искринки глаза.
Птицы, сделайте красными
И возникни, гроза!
Мне покойно до ужаса.

В бесконечности дня
Птицы белые кружатся...
Я не помню огня,
Я не чувствую холода
И не помню, кто я,
Из какого я города...
Не лишайте меня
Человеческой боли.
Доктор, что же со мной?
Кружат птицы над полем
В тишине неживой.

Только лебеди белые,
Исходящие в снег...
Доктор, что же вы сделали?
Я — живой человек.

* * *

Выйду в степи зимою
И в запахах козушка
Ветку в льдинках укрою.
Спрячу птицу, зверька.

Отогрею собою
И на волю пушу.
Ни теперь, ни весною
За тепло не взыщу.

Бросит вьюга поводья.
Зазвонят бубенцы.
Шаль с каймою по моде —
За плечами концы.

Ветер ластиться будет,
Пить румянец с лица.
Ветер крылья остудит —
Два цветастых конца.

Все цветы с моей шали,
До травинки одной,
Оборвет ветер шалый —
Разгулена степной.

Вспыхнут маки багрово
На снегу — на зиме,
И не песню, не слово,
Маки —
Слух обо мне —
Разнесет удалая
По округе пурга.
Будто я молодая,
Как зима, как снега.
Будто алость веселья,
Бубенцами звеня,
В озорной карусели
Закружила меня.

* * *

Не облегченье дереву листва
Опавшая приносит,
А тревогу.
Стремительно пронесится дорога.
Обочин поседевшая трава
Беспомощно цепляется за листья.
Мелькнула за оврагом
Стая лисья,
Еще поляной бывшая вчера.
А дереву казалось:
Этот путь
Оно держало
Тенью и корнями...
Вот так когда-то
Сердцем и глазами
Нам предстоит на прошлое взглянуть
И удивиться горестно тому,
Что нас
Держало все
На этом свете:
Беспомощное дерево, и дети,
И солнце, восходящее в дыму...
Держали нас и радость, и печаль.
Не мы держали землю на ладони.
И свет зари на придорожном клене —
Как вечно пребывающая даль.

СОДЕРЖАНИЕ

Люди — мои дети	3
«Говорят, что в пору полнолуния...»	4
Ликующий час	4
Весна	5
«Перемешались огни...»	5
Истоки	6
Ночь рассветная	7
«Когда пути земли родной...»	9
Тень крыла	9
«Люди...»	10
«Память...»	11
Свет	11
«Не потому ль душе людской...»	12
«О женщина из плоти и огня...»	13
«О, как не звонок лес...»	13
«Уж я тебе, болезному...»	14
«Когда стихает звон полей...»	15
«Что ж ты, Галя...»	15
Поле славы	16
«И певчие птицы и дети...»	17
«Листва молодая подлесья...»	18
«Алеет соцветье заката...»	18
«Живу...»	19
«Есть миг...»	20
«Все дальше лето памятного года...»	20
«Опять заря роняет свет...»	21
Гуси-лебеди	21
Да святится заря	22
Баллада о доме	24
Голос лета	27
«Доктор, что же вы сделали...»	28
«Выйду в степи зимою...»	29
«Не облегченье дереву листва»	30

Людмила Васильевна ШИКИНА

ИСТОКИ

Стихи

Редактор Е. А. Антошкин

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 04.04.84. Подписано к печати 06.06.84. А 00386. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,4. Учетно-изд. л. 1,66. Тираж 92 000 экз. Изд. № 1456. Заказ № 2531.
Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВНУТРЕННИЙ
ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ 1982 ГОДА**

● Государственный внутренний выигрышный заем 1982 года выпущен сроком на 20 лет — с 1 января 1982 года до 1 января 2002 года.

Облигации займа свободно продаются и покупаются сберегательными кассами, доход по ним выплачивается в форме выигрышей.

Облигации займа выпущены достоинством в 50 и 25 руб. Выигрыши установлены в размере 10 000, 5000, 2500, 1000, 500, 250 и 100 руб. на пятидесятирублевую облигацию, включая нарицательную стоимость облигации (по облигациям достоинством в 25 руб., являющимся половиной пятидесятирублевых облигаций, выплачивается половина выигрыша).

Владелец выигрыша в 10 000 руб. имеет право на внеочередную покупку автомобиля «Волга» или легкового автомобиля аналогичного класса, а выигрыша в 5000 руб. — автомобиля другой марки классом ниже. Разница между стоимостью автомобиля и суммой выигрыша вносится владельцем выигравшей облигации.

В течение двадцатилетнего срока займа проводится 160 тиражей выигрышей, по 8 тиражей ежегодно в следующие сроки: 15 февраля, 30 марта, 15 мая, 30 июня, 15 августа, 30 сентября, 15 ноября и 30 декабря. В эти же сроки будут проводиться тиражи выигрышей по Государственному 3-процентному внутреннему выигрышному займу 1966 года. Находящиеся у населения облигации Государственного 3-процентного внутреннего выигрышного займа 1966 года по-прежнему участвуют в тиражах выигрышей, которые будут проводиться до истечения срока займа (до 1 июля 1986 года), и свободно покупаются сберегательными кассами.

После проведения 30 июня 1986 года последнего тиража по займу 1966 года владельцам облигаций предоставляется право до 1 июля 1987 года обменять их в сберегательных кассах на облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года на льготных условиях, т. е. без уплаты курсовой разницы.

**Российское республиканское
Главное управление Госгосбер-
касс СССР**